Библиотека О
309
37

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКІЙ
И
ТРОИЦКАЯ ЛАВРА ЕГО ВРЕМЕНИ.

(Къ 5 іюля).

Публичная лекція, читанная 21 ноября 1897 года въ Московской Духовной Академіи для членовъ Рогожскаго отдѣленія перваго Московскаго Общества Трезвости въ пріѣздъ ихъ на богомолье въ Троицкую Лавру.

Стефанъ и Варѳоломей.—Варѳоломей (преп. Сергій) одинъ въ пустынѣ.—Начало монастыря и его картина при жизни преп. Сергія.—Внутренній строй монастырской жизни въ Троицкой обители.—Значеніе преп. Сергія въ исторіи русскаго монашества.—Личность преп. Сергія; внѣшній образъ его жизни, черты его нравственной личности и значеніе въ обществѣ того времени.—Кончина преп. Сергія.—Заключеніе.

Пять съ половиною вѣковъ тому назадъ на то самое мѣсто, гдѣ мы сейчасъ находимся, пришли для подвиговъ два брата—Стефанъ и Варѳоломей. Они сотворили молитву, начали рубить лѣсъ и на своихъ плечахъ носить бревна. Поставивъ наскоро шалашъ, они устроили потомъ келью и малую церковку, которую съ разрѣшенія митрополита освятили во имя Живоначальной Троицы. Такъ возникла Троицкая Сергіева лавра.

Стефанъ и Варѳоломей были дѣти ростовскаго боярина Кирилла, который, обнищавъ подъ старость, переселился въ Радонежъ—тогда небольшой городъ, теперь село Городокъ вблизи Хотькова и въ 10 верстахъ отсюда. Братья только что лишились родителей и были молоды: Варѳоло-

мей около 23 лѣтъ, Стефанъ немного старше. Стефанъ былъ женатъ, овдовѣлъ и постригся въ монахи въ Хотьковомъ монастырѣ; юноша Варѳоломей, будущій препод. Сергій, съ дѣтства готовилъ себя къ монашескимъ подвигамъ. Онъ не принималъ пострижения, только исполняя волю родителей, которые были одиноки и просили его заботиться объ ихъ старости и немощи до смерти. Варѳоломей умолилъ и увлекъ теперь изъ Хотькова монастыря въ пустыню Стефана. Но братья недолго нажили вмѣстѣ. Стефанъ испугался пустыни—ея трудовъ, скорбей, страховъ и недостатка во всемъ необходимомъ и ушелъ въ московскій Богоявленскій монастырь.

Варѳоломей остался одинъ въ своей кельѣ. Скоро онъ призываетъ къ себѣ игумена Митрофана, принимаетъ отъ него монашеское постриженіе въ церкви св. Троицы и по его уходѣ остается снова одинъ «безъ всякаго человѣка». Новопостриженный инокъ Сергій предается теперь пустыннымъ трудамъ и молитвѣ, питаясь только хлѣбомъ, который вѣроятно по временамъ доставлялъ ему младшій братъ Петръ, да водой изъ источника подъ горою. Въ такомъ совершенномъ уединеніи «единъ единствуя» преп. Сергій провелъ около двухъ лѣтъ.—Мѣсто, выбранное братьями и носившее тогда названіе «Маковецъ», представляло изъ себя пригорокъ надъ рѣчкой, заросшій частымъ лѣсомъ. Мѣсто было глухое: вблизи не было ни селъ, ни дворовъ и никакихъ людскихъ поселеній; мимо его не пролегала дорога, и никто не заходилъ сюда; «съ всѣ страны, говоритъ житіе преп. Сергія, все лѣсъ, все пустыня». Молодого отшельника окружала дикая лѣсная пустыня со своими ужасами. Въ этомъ лѣсу водилось очень много звѣрей. Къ убогой кельѣ Сергія по ночамъ подходили стада волковъ «выюще и ревуще», случалось и днемъ, когда онъ выходилъ въ лѣсъ, т. е. за порогъ своей кельи, мимо него пробѣгали лѣсные обитатели и скрывались въ чащѣ или же подходили къ преподобному и какъ бы обнюхивали его.

Всѣмъ извѣстенъ разсказъ житія, какъ преп. Сергій кормилъ медвѣдя. Медвѣдь часто подходилъ къ кельѣ подвижника; преподобный замѣтилъ, что у его мохнатаго гостя вовсе нѣтъ злого умысла и сталъ класть ему хлѣба. Звѣрь болѣе года аккуратно каждый день являлся за своей порціей и не подозрѣвая, какимъ лишеніямъ онъ подвергаетъ пустынника. У преп. Сергія и себѣ то часто не хватало хлѣба, и медвѣдь не находилъ тогда своего положеннаго куска. Онъ не отходилъ отъ кельи, посматривая туда и сюда и упрямо дожидаясь подачки, какъ злой должникъ ждетъ своего долга. Преп. Сергій дѣлился послѣднимъ кускомъ, а то отдавалъ и все, что имѣлъ, оставался самъ голоднымъ, лишь бы не оскорбить и не отпустить голоднымъ медвѣдя «сожителя его пустыннаго». Впрочемъ нерѣдко они голодали оба, потому что у отшельника вовсе не было хлѣба.

Труды и невзгоды отшельнической жизни не разъ вселяли въ душу подвижника страхъ и уныніе, и у него являлось искушеніе покинуть пустыню. Это настроеніе живо изображается въ житіи преподобнаго. Его искушали бѣсы. Какъ-то разъ ночью преп. Сергій совершалъ свою молитву, какъ вдругъ раздался шумъ, и бѣсы стадомъ наполнили его хижину. Они кричали: «уйди, уйди съ этого мѣста! Чего ты ищешь въ этой пустынѣ? Что ты найдешь въ этомъ лѣсу? Или ты собираешься здѣсь жить?—напрасно. Ты видишь самъ, какъ мѣсто это пусто, неудобно и непроходимо, далеко отъ людей во всѣ стороны и никто сюда не заходитъ. Или ты не боишься умереть съ голода или отъ душегубцевъ разбойниковъ, случайно нашедшихъ тебя здѣсь? Въ этой пустынѣ много звѣрей плотоядныхъ, стада волковъ воютъ и подходятъ къ тебѣ. Здѣсь много бѣсовъ пакостниковъ, страшилищъ и грозныхъ явленій безъ числа. Издавна это мѣсто пусто и нечисто. Бѣги же отсюда, не дожидаясь, безъ размышленія и сомнѣнія; бѣги безъ оглядки и не смотря по сторонамъ, а то мы прогонимъ тебя скорѣе или умертвимъ!» Такъ говорилъ моло-

дому пустыннику на ночной молитвѣ голосъ искушенія. Но въ его душѣ было столько силы, и молитва его была такъ горяча, что унынie и страхи исчезали.

Преп. Сергій ненадолго укрылся отъ людей въ своей непроходимой пустынѣ. По одному, по двое или по трое стали приходить къ нему богобоязненные монахи и просили принять ихъ въ сожители. Преп. Сергій указываетъ пришельцамъ на тяжесть пустыннаго подвига, но принимаетъ съ радостью. Скоро около него набралось 12 человѣкъ братіи, и пустыня оживилась. Каждый изъ новоприбывшихъ построилъ себѣ по кельѣ, общими силами обнесли ихъ тыномъ съ одними воротами. У воротъ поставили вратаря. Такъ разростается поселеніе отшельника и принимаетъ видъ монастыря. Вотъ картина нашей лавры въ то время. Въ глухомъ бору надъ рѣчкой расчищена поляна и обнесена тыномъ. На полянѣ стоитъ маленькая деревянная церковка и тринадцать такихъ же маленькихъ келій, разбросанныхъ въ безпорядкѣ какъ попало. Въ монастырѣ между кельями еще стоятъ и шумятъ деревья; около церкви лежатъ срубленныя колоды деревьевъ и торчатъ пни, кой-гдѣ взрыты гряды и засажены овощами.—Въ такомъ видѣ монастырь просуществовалъ не долго. Года два или три спустя къ преп. Сергію пришелъ тринадцатый братъ, богатый смоленскій архимандритъ Симонъ и вручилъ ему свое богатство на устройство монастыря. Переустройство монастыря начинается съ церкви: на мѣстѣ маленькой церковки преп. Сергій воздвигаетъ теперь обширный, хотя также деревянный храмъ. Кельи ставятся въ порядкѣ четырехъугольникомъ вокругъ церкви, такъ что она была посерединѣ «и отовсюду видима яко зерцало». Повидимому, кельи стояли близко къ церкви, такъ что позади ихъ въ монастырѣ особенно къ сѣверной и восточной сторонѣ оставалось большое пространство, занятое огородами и хозяйственными постройками. Въ сѣверо-восточномъ углу монастыря, т. е. очень недалеко отсюда, стояла житница, построенная

руками преп. Сергія. Огороды были обнесены заборомъ, а тынъ вокругъ монастыря, вѣроятно, замѣненъ былъ деревянною стѣной. Съ этого времени обитель преп. Сергія начала понемногу расти и распространяться. Съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ городовъ иногда изъ далека приходили въ радонежскую пустыню новые подвижники и строили себѣ кельи въ четырехъугольникѣ вокругъ церкви Живоначальной Троицы.

Радонежскій игуменъ, встрѣчая прибывавшихъ къ нему братій, говорилъ имъ, чтобы они приготовили свои сердца не на пищу, ни на питіе, ни на покой, ни на безпечаліе, но—на терпѣніе; онъ обѣщалъ имъ бѣды, скорби и печали пустыни, всякую тягость, нужду и недостатки. Дѣйствительно, монастырь преп. Сергія на первыхъ порахъ былъ очень бѣденъ. Онъ затерялся въ глухомъ лѣсу, вдали отъ людскихъ поселеній: «окрестъ же монастыря того, говоритъ житіе преп. Сергія, все пусто, съ вся страны лѣсове, всюду пустыня». Къ нему не было даже торной дороги и пробирались сюда только узкой и тѣсной стезей. Значитъ, посѣтители были очень рѣдки. Между тѣмъ игуменъ далъ своей братіи заповѣдь не ходить въ села и не просить у мірянъ ни въ какомъ случаѣ. И вотъ бывало, что въ монастырѣ выходили всѣ съѣстные припасы, братія голодала по нѣскольку дней и роптала на своего игумена. Самъ игуменъ одинъ разъ пробылъ безъ всякой пищи дня три или четыре и потомъ за рѣшето гнилыхъ хлѣбовъ нанялся построить крыльцо у кельи одного изъ братіи. Часто въ монастырѣ не было вина и ладана для богослуженія, воску для свѣчъ, и въ церкви приходилось засвѣчать лучину. За недостаткомъ кожи или бумаги, богослужебныя книги писались на берестѣ. Въ такой скудости и нищетѣ троицкіе подвижники прожили болѣе пятнадцати лѣтъ. Съ этого времени вблизи монастыря со всѣхъ его сторонъ начали селиться крестьяне. Здѣсь и тамъ вырубили они лѣсъ,— что имъ никто не запрещалъ, настроили дворовъ и селъ, подняли почву и на починкахъ стали сѣять хлѣбъ. Они

исказили пустыню, жалуется жизнеописатель преп. Сергія, и не пощадили и превратили ее въ чистыя поля. Такъ вокругъ Троицкаго монастыря образовался Сергіевскій посадъ. Новые поселенцы посѣщали и «учащали въ монастырь», принося въ изобиліи различные припасы. Его нищета и скудность кончились теперь навсегда.

Посмотримъ теперь на внутреннюю жизнь Троицкаго монастыря при жизни преп. Сергія. Среди собравшихся около него 12-ти братій никто (въ томъ числѣ и самъ Сергій) не имѣлъ священнаго сана, а потому служить литургію приглашали первоначально посторонняго священника или игумена. Преп. Сергій по великому смиренію не хотѣлъ принимать священнаго сана и быть начальникомъ монастыря. Онъ призвалъ къ себѣ въ монастырь игумена Митрофана, отъ котораго припялъ постриженіе и Митрофанъ правилъ монастыремъ какъ игуменъ, совершалъ литургіи, но черезъ годъ померъ. Тогда братія рѣшила совѣтомъ выбрать въ игумены преп. Сергія; приступили къ подвижнику и просили его быть вождемъ духовнымъ. Когда Сергій сталъ отказываться, братія пригрозила ему, что всѣ они разойдутся отъ этого мѣста и отъ храма Живоначальной Троицы, уйдутъ въ міръ и отпадутъ отъ монашескихъ обѣтовъ. Тогда преп. Сергій принялъ игуменство и санъ священника.—Въ управленіи монастыремъ преп. Сергій подражалъ древнимъ великимъ подвижникамъ, особенно устроителю русскаго монашества преп. Ѳеодосію печерскому. Онъ никому не отказывалъ въ постриженіи ни бѣдняку, ни богачу, ни юношѣ, ни старцу и въ свою обитель принималъ всѣхъ съ радостью и усердіемъ; но никого не постригалъ сразу, не убѣдившись въ твердости духа и искренности подвижническихъ стремленій. Удостоивъ же пришельца ангельскаго образа, преп. Сергій такъ сказать бралъ его душу на свою совѣсть и неусыпно заботился о спасеніи каждаго. Изъ своего монастыря онъ хотѣлъ сдѣлать мѣсто уединенія, труда и молитвы и училъ братію не ходить по чужимъ кельямъ,

особенно ночью послѣ вечерней молитвы и не развлекаться бесѣдами, но заниматься рукодѣльемъ, какое кто знаетъ, съ псалмомъ на устахъ и молиться каждому въ своей кельѣ. Преп. Сергій имѣлъ обыкновеніе глубокой и темной ночью послѣ своей вечерней молитвы обходить дозоромъ всѣ кельи братіи. Проходя по подоконью келій, онъ смотрѣлъ, кто чѣмъ занимается. И вотъ что видѣлъ игуменъ въ кельяхъ своей обители: братъ стоитъ на молитвѣ, кладетъ поклоны, другой безмолвно или съ молитвой занимается рукодѣльемъ, третій читаетъ святую книгу или сѣтуетъ о своихъ грѣхахъ,—видѣлъ онъ все это и благодарилъ Бога и молилъ Его о помощи этимъ труднікамъ. Но ему встрѣчались кельи, куда сошлись нѣсколько братьевъ, слышалась праздная бесѣда, смѣхъ. Игумена это огорчало: стукомъ въ окно или дверь онъ давалъ знать о своемъ приходѣ, разгонялъ бесѣдующихъ и послѣ наказывалъ виновныхъ. Лишне я думаю говорить, что въ монастырѣ совершали всѣ уставомъ положенныя службы и молились непрестанно: «и славословіе въ церкви и въ келіяхъ и молитва непрестающія къ Богу».

Первое время въ монастырѣ преп. Сергія, какъ и во всѣхъ монастыряхъ того времени, монахи жили особно. Каждый имѣлъ свою собственную келью; работалъ, что умѣлъ, питался и одѣвался, какъ могъ. Преп. Сергій вмѣстѣ со св. Алексіемъ митрополитомъ задумалъ ввести въ радонежской обители уставъ общежительный, введенный въ свое время въ Печерскомъ монастырѣ препод. Ѳеодосіемъ и потомъ забытый въ русскихъ монастыряхъ. Св. Алексій и препод. Сергій испросили благословеніе на это дѣло у патріарха. Общежительный уставъ предписывалъ полное общеніе имуществъ въ монастырѣ и совершенно воспрещалъ частную монашескую собственность. По этому уставу монаху запрещалось даже запирать свою келью, потому что у него не должно быть даже собственной иголки. Все, что пріобрѣталось руками монаховъ и приносилось мірянами, отдавалось въ мона-

стырь, который кормилъ и одѣвалъ монаха. Общежительный уставъ, трудный для человѣка, привыкшаго къ обладанію собственностью, вызвалъ въ монастырѣ неудовольствіе на преп. Сергія. Нѣкоторые изъ братіи покинули монастырь. На сторонѣ недовольныхъ оказался родной братъ преподобнаго Стефанъ, воротившійся изъ Москвы въ радонежскую пустыню. Однажды въ церкви Стефанъ громко и грубо высказалъ свое неудовольствіе на брата, заявивъ, что игуменъ здѣсь собственно онъ, а не Сергій, потому что онъ первый сѣлъ на этомъ мѣстѣ, и осыпалъ преподобнаго бранью. Преп. Сергій ничего не отвѣтилъ обидчику и тотчасъ послѣ службы тайно ушелъ изъ монастыря на рѣку Киржачъ, гдѣ основалъ новый монастырь. Братія скоро пожалѣла о своемъ игуменѣ, стала переходить изъ Троицкаго монастыря на Киржачъ и наконецъ упросила Сергія воротиться въ прежнюю обитель. Такъ уставъ былъ введенъ. Слава о преп. Сергіи, какъ устроителѣ монастыря, быстро разнеслась по Руси, и благочестивые люди начали обращаться къ нему за совѣтами при устройствѣ новыхъ монастырей, прося его указать и благословить мѣсто и дать изъ учениковъ своихъ игумена монастырю. И преподобный Сергій дѣлалъ это съ радостью. Обыкновенно пѣшкомъ онъ шелъ въ Москву, въ Коломну, въ Серпуховъ, на Дубну, указывая наилучшее мѣсто монастырямъ и давая имъ игуменовъ. Вамъ, жителямъ Москвы, можетъ быть не безъинтересно будетъ узнать, что при такомъ участіи преп. Сергія основались два московскихъ монастыря—Симоновъ и Андрониковъ. Въ этихъ монастыряхъ вводился общежительный уставъ, и преп. Сергій слѣдилъ за его примѣненіемъ. Кромѣ того множество монастырей (до 30-ти) основали ученики и собесѣдники преподобнаго,—преимущественно на сѣверѣ Руси. По примѣру своего игумена, они уходили въ лѣсныя чащи вдаль отъ человѣческихъ жилищъ и подвизались иногда даже въ дуплахъ деревьевъ (преп. Павелъ обнорскій). И подобно тому какъ къ монастырю препод.

Сергія пришли селиться крестьяне, такъ и къ мѣсту ихъ подвиговъ шелъ народъ, вырубалъ лѣса, распахивалъ починки и пролагалъ дороги въ непроходимыхъ дебряхъ нашего сѣвера. — Такимъ образомъ преп. Сергій имѣлъ огромное значеніе въ исторіи великорусскаго монашества. Онъ ввелъ въ монастыри общежительный уставъ и былъ начальникомъ, учителемъ и отцемъ многихъ монастырей. «И сынове его и сынове сыновъ его, говоритъ жизнеописатель, яко свѣтила зрятся отвсюду и сіяютъ въ вся страны свѣтлымъ и чуднымъ житіемъ всѣмъ на пользу».

Чтобы понять какъ случилось то, что отшельникъ радонежской пустыни превращается въ игумена великой лавры, отца многихъ монастырей и устроителя современнаго ему монашества, надо посмотрѣть на самую личность преп. Сергія. Преп. Сергій родился богатыремъ и вмѣстѣ подвижникомъ. Жизнеописатель говоритъ, что въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ очень силенъ «могый за два человѣка (и множае)» и съ ранняго дѣтства обнаружилъ стремленіе къ подвижничеству. Матери любятъ кормить и закармливать своихъ дѣтей: Варѳоломей сильно безпокоилъ свою мать Марію, потому что питался хлѣбомъ и водой, а по средамъ и пятницамъ оставался вовсе безъ пищи. Когда сыну не было и 12-ти лѣтъ, мать говорила ему, что для поста онъ слишкомъ молодъ, что постъ повредитъ его развитію и здоровью; мать указываетъ Варѳоломею на его сверстниковъ, которые ѣдятъ по семи разъ въ день съ утра до ночи и много пьютъ. Но опасенія матери не оправдались: онъ выросъ силачемъ, и постъ вмѣстѣ съ безусловною трезвостью и непрестаннымъ трудомъ были для подвижника средствами усмирить непокорную плоть. Преп. Сергій былъ строгій трезвенникъ: «пива же и меду никогда же вкоушающи, ни къ оустомъ приносящи или объѣхающи». Его никогда не видали праздноымъ. На первыхъ порахъ, когда собиралась къ нему братія, онъ собственными руками построилъ три или четыре кельи и нѣкоторыя хозяйственныя зданія. Безъ лѣ-

ности, какъ купленный рабъ, онъ служилъ своей братіи: въ самомъ монастырѣ или въ сосѣднемъ лѣсу онъ собиралъ и рубилъ для всѣхъ дрова, онъ носилъ воду на своихъ плечахъ двумя ведрами изъ источника подъ горою и ставилъ ее около каждой кельи. Онъ мололъ муку и готовилъ кушанье братіи; кроилъ и шилъ для нея одежду и обувь. Сдѣлавшись игуменомъ, преп. Сергій не измѣнилъ своего образа жизни. Трудовъ у него теперь даже прибавилось. Все, что нужно для литургіи, которую онъ совершалъ ежедневно, онъ готовилъ самъ: пекъ просфоры, варилъ кутью и кануны, каталъ свѣчи и никому не позволялъ этого дѣлать.—Надо ли говорить объ усердіи преп. Сергія къ молитвѣ. Еще отрокомъ онъ проводилъ въ молитвѣ безсонныя ночи; простымъ инокомъ онъ ранѣе всѣхъ являлся въ церковь, пѣлъ на клиросѣ и не зналъ утомленія въ храмѣ; съ какимъ благоговѣніемъ радонежскій игуменъ совершалъ божественную службу, свидѣтельствуютъ видѣнія сослужащаго ему ангела и божественнаго огня на святой трапезѣ, которыя видѣли его ученики.—Свой монастырь преп. Сергій оставлялъ только по нуждѣ, отправляясь обыкновенно пѣшкомъ за много верстъ: онъ не ѣздилъ на коняхъ и не любилъ коней доброѣздныхъ. Его не привязывало ничто земное. Онъ не былъ золотоносцемъ въ юности и на старости остался въ нищетѣ. Одѣвался онъ въ сермяжную рясу, часто въ заплатахъ и разодранную. Разъ въ кладовой монастыря завалялся никуда негодный кусокъ сукна, на который и смотрѣть никто не хотѣлъ. Преп. Сергій взялъ этотъ кусокъ, благословилъ, скроилъ и сшилъ себѣ рясу и носилъ ее до тѣхъ поръ, пока она не свалилась съ его плечъ. Однажды въ Троицкій монастырь пришелъ издалека крестьянинъ посмотрѣть на славнаго игумена. Онъ ожидалъ встрѣтить святого мужа въ чести, въ славѣ и въ величіи, въ дорогой и красивой одеждѣ, окруженнымъ толпой отроковъ и рабовъ. Ему показали въ монастырѣ игумена, который въ это время копалъ гряды въ огородѣ. Сквозь щель забора

крестьянинъ разсмотрѣлъ блаженнаго «въ худостнѣ портище, зѣло раздранѣ и многошвенѣ» и не повѣрилъ, что это Сергій: онъ подумалъ, что надъ нимъ глумятся, и сказалъ: «я пришелъ видѣть пророка, а вы показали мнѣ раба». Таковъ былъ преп Сергій по внѣшнему образу жизни.

По словамъ жизнеописателя, преп. Сергій еще въ дѣтствѣ былъ замкнутъ и серьезенъ, онъ не подходилъ къ играющимъ дѣтямъ и не принималъ участія въ ихъ играхъ. Когда онъ выросъ, никто не слыхалъ его смѣющимся, только по временамъ легкая улыбка появлялась на его лицѣ. Изъ его глазъ очень часто текли слезы. Это былъ тихій человѣкъ и за этой тихостью не скрывалось никакой хитрости, напротивъ, довѣрчивость къ людямъ, «простота безъ пестроты», смиреніе и кротость были отличительными чертами его характера. Довѣрчивостью преп. Сергія злоупотребляли хитрые люди. Онъ ни предъ кѣмъ не возносился, и его смиреніе было видно изъ служенія подчиненной ему братіи, изъ его рабской одежды. Кротость преп. Сергія была такъ велика, что онъ не умѣлъ отвѣчать на обиды и не могъ обидѣть самъ даже звѣря. Никогда онъ не говорилъ гнѣвно и никого не осуждалъ. Виновному брату онъ выговаривалъ не прямо, а издалека, ожидая, что тотъ самъ пойдетъ на встрѣчу покаянію. Его слово было растворено «солію благодати», сладостью и любовью. По всему было видно, что преп. Сергій всѣхъ людей любилъ равно, всѣмъ помогалъ безъ всякаго различія «не избирая, ни судя, ни зря на лица человѣкомъ.

Можно представить, какой свѣтъ и тепло вносилъ «чудный старецъ» въ среду людей. Его всѣ любили, всѣ почитали и всѣ ему благоговорили, замѣчаетъ жизнеописатель. Онъ сознается, что во всю свою жизнь онъ не видалъ еще такого человѣка. Это былъ такой особенный человѣкъ, вблизи котораго человѣкъ обыкновенный обращается къ своей совѣсти, радуясь и умиляясь. «Кто бо слыша добрый его отвѣтъ, не насладися когда отъ сла-

дости словесе его? говоритъ похвальное слово. Или кто зря на лице его не веселяшеся? Или кто видя святое его житіе и не покаяся? или кто видя кротость его и незлобіе и не умплися?»... Одинъ видъ святого старца, одно только созерцаніе его производили сильное впечатлѣніе на людей. Извѣстенъ случай замѣчательнаго вліянія радонежскаго подвижника на суроваго и гнѣвнаго человѣка. Великій князь Димитрій Ивановичъ находился въ давнишней враждѣ съ рязанскимъ княземъ Олегомъ. Московскому князю надо было заключить миръ со своимъ врагомъ; многіе ѣздили къ Олегу и не могли его упросить. И вотъ наконецъ отъ Димитрія ѣдетъ въ Рязань самъ преп. Сергій со старѣйшими боярами. «Преподобный же игуменъ Сергій, разсказываетъ лѣтописецъ, старецъ чудный, тихими и кроткими словесы и рѣчьми и благоувѣтливыми глаголы, благодатію, данною ему отъ Святаго Духа, много бесѣдовавъ съ нимъ (Олегомъ) о пользе душевней и о мире и о любви. Князь великии же Олегъ преложи свирѣпство свое на кротость и утишись и укротись и умирись вельми душею, устыдѣбось толь свята мужа, і взялъ с великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ вѣчныи миръ и любовь въ родъ и родъ». Съ честью и славой воротился на Москву преп. Сергій. Современникъ преп. Сергія отказывается опредѣлить размѣры того нравственнаго вліянія, которое онъ оказалъ на русскихъ людей своего вѣка, — своими бесѣдами, своимъ примѣромъ и только своимъ видомъ. Многихъ онъ обратилъ на покаяніе, говоритъ этотъ современникъ, многіе имъ спаслись и спасаются не только иноки, но и міряне.

Еще при жизни своей преп. Сергій стяжалъ себѣ великую славу. Молва о немъ изъ радонежской пустыни промчалась по всей русской землѣ и даже за ея предѣлы. На Москвѣ его почитали всѣ, начиная съ князя, который приглашалъ преп. Сергія крестить своихъ дѣтей. Митр. Алексій желалъ видѣть троицкаго игумена своимъ преемникомъ на московской митрополіи и этого требовали мос-

ковскіе люди «отъ великодержавныхъ господій и до послѣднихъ». Лѣтописцы слѣдятъ за жизнью великаго подвижника и сообщаютъ, напр., какъ «въ лѣто 6683 (1375)... болѣзнь бысть тяжка преподобному игумену Сергію святому, но Богъ помилова, разболѣся въ великое говѣніе и пакы здравъ бысть и въста к Семенову дни». Называя святымъ и преподобнымъ, современники считали преп. Сергія пророкомъ и чудотворцемъ. И въ его пустыню шли ближніе и дальніе, люди всѣхъ положеній и состояній и всѣ несли къ нему свои нужды и горести. За его молитвой и благословеніемъ спѣшитъ великій князь въ тяжелую годину нашествія Мамая; съ какимъ-то великимъ дѣломъ до Сергія въ его монастырь приходитъ издалека крестьянинъ и рабъ изъ ближняго села, обиженный злымъ господиномъ. И преп. Сергій дѣлалъ для всѣхъ, что могъ, молился о побѣдѣ князя надъ татарами, защищалъ вдовъ и сиротъ, освобождалъ рабовъ, выкупалъ должниковъ, утѣшалъ скорбящихъ. Онъ хорошо зналъ истину, что монастырское богатство принадлежитъ нищимъ и развилъ благотворительность монастыря, какъ только монастырь разбогатѣлъ. Онъ кормилъ и поилъ странныхъ, нищихъ и больныхъ и никого не отпускалъ изъ монастыря съ пустыми руками. Передъ смертью онъ заповѣдывалъ братіи не забывать страннолюбія, и это стало монастырскимъ преданіемъ. Когда около Троицкаго монастыря проложена была большая дорога отъ Москвы къ Ростову, и пошло бойкое движеніе, то случалось зимой въ большой морозъ или метель въ монастырь преп. Сергія заѣзжало много народу, и путниковъ здѣсь кормили и поили, сколько бы времени ни продолжалась непогода. Князья и воеводы съ отрядами войска заходили въ монастырь и всѣ получали довольную потребу, какъ отъ неисчерпаемаго источника. Сколько бы богомольцевъ ни пришло на праздникъ обители, монастырь кормилъ всѣхъ безъ отказа. Въ народѣ говорили бывало, что въ Троицкомъ монастырѣ есть такой мѣдный горшокъ, который готовилъ безъ излишка и

недостатка, именно столько кушанья, сколько нужно для несчитанныхъ тысячъ гостей, пришедшихъ на праздникъ въ обитель.

Преп. Сергій скончался 78-ми-лѣтнимъ старцемъ, проживъ 55 лѣтъ въ радонежской пустыни. На его погребеніе собралось великое множество народа отъ многихъ странъ и городовъ: каждый хотѣлъ приблизиться и прикоснуться къ его тѣлу или взять кусокъ отъ его одежды на благословеніе. Лѣтописцы записали это событіе такими словами: «мѣсяца сентября въ 25 день (въ лѣто 6900) преставись преподобный игуменъ Сергии радонежскии и московскии, тихии, кроткии и смиренныи».

Умирая, преп. Сергій не оставилъ своему монастырю богатства: ни вотчинъ, ни золота и серебра. Онъ оставилъ ему одно только наслѣдство—въ Троицкомъ соборѣ около южной стѣны свой гробъ съ нетлѣннымп мощами. И къ этому гробу въ продолженіе 500 лѣтъ ходили и ходятъ тысячи тысячъ русскаго народа всѣхъ классовъ общества. Смиренному игумену, носившему при жизни худую одежду и работавшему, какъ рабъ, покланяются цари земли русской. Его чтутъ и бѣдняки и знаютъ всѣ русскіе люди, потому что въ народномъ сознаніи онъ является защитникомъ и покровителемъ русской народности и православія. Трудовыя копейки бѣдняковъ, тысячи богачей и вклады русскихъ князей, царей и императоровъ построили нашу великолѣпную лавру. Преп. Сергій не узналъ бы теперь свою пустынную обитель. На мѣстѣ двухъ-трехъ десятковъ келлій вокругъ деревянной церкви, обнесенныхъ деревянной стѣной, многочисленные храмы, красавица колокольня, громады корпусовъ, твердыни стѣнъ. Но духъ древней Сергіевой обители не исчезъ въ нашей лаврѣ. Припомнимъ великолѣпныя слова покойнаго митр. Филарета, сказанныя лѣтъ 50 тому назадъ въ Троицкой Лаврѣ: «прости мнѣ великая лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву... Кто покажетъ мнѣ малый деревянный

храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣчи, и пламень ихъ достигаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преп. Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесной. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ преп. Сергій и въ награду за трудъ дня и за гладъ нѣсколькихъ дней получилъ укрухъ согнивающаго хлѣба... Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ, покажите сокровище: оно непохитимо и неистощимо!» (Слово по освященіи храма надъ мощами преп. Михея въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ 27 сент. 1842 г. По изд. 1882 г. т. 4, стр. 193—94).

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется Москва. Іюня 13 дня 1898 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

Университетская типографія, Страстной бульваръ.